

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Вера Бокова

МОСКВА

ВТОРАЯ СТОЛИЦА

Москва — город древний. По документам — почти девятьсот; по данным археологов — за тысячу, а отдельные поселения на территории города тянут и на две, три, четыре тысячи лет.

И все же банальную истину о древности Москвы можно повторять сколь угодно часто, но наглядно подтвердить нечем. В Москве нет ничего древнее самой Москвы и даже ничего столь же древнего, как сам город.

Кремль за свою историю несколько раз до основания перестраивался и тому, что стоит сейчас, — «всего» пятьсот, а некоторым постройкам в нем — едва полста. Самые старые из московских церквей примерно того же возраста. При всем уважении к храмам в минувшие столетия, их не только регулярно перестраивали до неузнаваемости, но и частенько сносили — то по ветхости, то из соображений благоустройства, то повинувшись изменчивой моде. И только престол утраченного храма устраивали в какую-нибудь другую церковь по соседству.

Лет тридцать назад автору этих строк довелось вести экскурсию по Покровскому собору (храму Василия Блаженного) для заезжего туриста-англичанина. Храм, к слову, тогда настоятельно взывал о реставрации и выглядел не лучшим образом.

По мере того как продвигалось знакомство с этим древним московским чудом (шестнадцатый век все-таки), лицо гостя становилось все более задумчивым и даже озабоченным. На выходе, благодаря и прощаясь, интурист обронил: «Приеду домой — займусь ремонтом. У меня дом тоже шестнадцатого века».

Вот что совершенно невозможно в Москве! Самому старому здесь от силы триста лет, но в таких домах не живут, а только служат. И вообще жить в доме, которому под сто годов, большинство москвичей считают для себя едва ли не оскорблением.

Непрерывное изменение и обновление — в самой природе Москвы. Она и в древности то и дело горела и возрождалась, и в новое время непрерывно перестраивалась. Может быть, потому что она женского рода, она и легкомысленна, и непостоянна. Ее поминутно тянет прихорашиваться и наряжаться — все равно кем: красавицей, кулемой или шутихой, главное, чтобы наряд радовал глаз новизной и пестротой.

Та Москва, исчезновение которой мы наблюдаем сейчас, появилась лишь на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, и для ее возведения уничтожали предшествующий город, сложившийся после великого пожара 1812 года. И тогдашние москвичи смотрели на исчезновение своей Москвы с такой же печалью и ностальгией, с какими москвичи, изгнанные из города Наполеоном, взирали на висящее в небе зарево, и с какими их предки качали головами, глядя на послепетровские новизны...

Из всех архитектурных памятников в Москве девятнадцатого века признавались только Кремль, храм Василия Блаженного и Сухарева башня; почти все остальные исторические сооружения были в большей или меньшей степени перестроены и искажены — иногда до неузнаваемости — и тонули в массе другой застройки. Особенно неказисты были городские окраины, через которые впервые и попадали путешественники в Москву. Михаил Павлович Чехов (брат писателя) вспоминал, как шокировали его, приехавшего в 1870-х годах из Таганрога, по дороге с Курского вокзала (похожего на «сарайчик») на Грачевку «отвратительные мостовые,

низенькие, обшарпанные постройки, кривые, нелепые улицы, масса некрасивых церквей и такие рваные извозчики, каких засмеяли бы в Таганроге»¹. При этом он почти наверное проезжал Красные ворота, стоявший близ них храм Трех Святителей, Шереметевский странноприимный дом, ту же Сухареву башню и некоторые другие замечательные сооружения, которые просто не сумел заметить.

Москва всегда была контрастна, как контрастен сам русский характер. В ней перемешивалось древнее и новое, широкое и узкое, красивое и уродливое, трактиры и часовни, «нелепие и великолепие», как выражался писатель Дон Аминадо, в ней уют предпочитали красоте, а красотой почитали причудливость и яркие краски.

Нужно было родиться москвичом, чтобы любить этот пестрый, порой нелепый, ни на что не похожий, странно контрастный город, чтобы вполне замечать и ценить его специфическую красоту и оригинальность. Впрочем, бывало, и частенько бывало, что в Москву на смерть влюблялись и пришлые (вспомним хотя бы Владимира Алексеевича Гиляровского), и легко и навсегда ею усыновлялись.

Москва была неистребимо провинциальна и подомашнему уютна, и по-домашнему же грязновата и «поношена». В Москве чтили традиции гостеприимства и взаимопомощи. Даже в низшем мещанстве, едва перебивающемся с хлеба на квас, ставили ребром последнюю копейку, чтобы угостить гостей, и на стол выставлялась лучшая посуда и лучшая еда. Даже здесь находились угол или место на печке для безродного сироты или «ничьей бабушки», которые обретали право на призрение просто потому, что у них никого нет. Родство в Москве считалось и почиталось очень дальнее, до седьмого колена, и как только степень родства определялась, все становились дядюшками и племянниками и обретали право на родственное участие, поддержку и воскресные семейные обеды. Поэтому и приветствовали москвичи друг друга троекратным целованием — по-родственному, к удивлению и раздражению питерцев и провинциалов. Не менее родства уважались соседство и землячество.

Москвичи ревниво относились к славе Питера и потому наружно его презирали. Стоило чему-нибудь иметь успех в Северной столице, как это тотчас с треском проваливалось в Москве. (Впрочем, бывало и наоборот.)

В Москве были своя собственная литература, журналистика, свое мировоззрение, своя философия — славянофильство, сугубый патриотизм и «русское направление» мысли, специально московская снедь — калачи и сайки, свой говор — певучий, мягкий, «акающий», своя манера одеваться. «Население старой Москвы не имело представления о моде. Костюмы и обычаи регулировались традициями, житейским комфортом или личным выбором»². Если в центре города и преобладал костюм европеизированный, лишь немного усовершенствованный по собственному и общемосковскому вкусу, то на окраинах и в пригородах еще и в 1890-х годах преобладали сарафаны и поддевки, шушуны и допотопные кацавейки, примятые картузы и разноцветные платочки с пышными розанами.

Общемосковские знаменитости были такой же городской достопримечательностью, как трактир Тестова, Иверская или Царь-пушка. Не знать их было предосудительно, а называли их не как простых смертных — по фамилии, а исключительно по имени и отчеству.

«Живо помню, как седовласый Тургенев с молодым М. М. Ковалевским и еще с кем-то из университетских профессоров не столько шел, сколько шествовал Пречистенским бульваром к Арбатской площади, и — по пути его со скамей дружно вставала и шляпы снимала сидевшая публика», — вспоминал А. В. Амфитеатров. И он же рассказывал, как герой войны за Болгарию, «белый генерал» Скобелев стоял в старинной московской гостинице Дюсо и буквально шага не мог сделать с подъезда ее без того, чтобы не быть в ту же минуту окруженным восторженною толпою влюбленно глазевших зевак. В Охотном ряду торговцы перед ним на колена становились»³. Скобелев и умер в Москве 25 июня 1882 года в номере гостиницы «Англетер» у известной московской кокотки Шарлотты Альтенроз, и был отпет в храме Трех Святителей у Красных ворот при небы-

валом стечении народа. (Позднее многие московские прелестницы присваивали себе сомнительную честь считаться «могилой Скобелева».)

Точно такими же общемосковскими кумирами становились любимые актеры, певцы, кулачные бойцы, адвокаты, профессора и публицисты. В Москве был настоящий культ замороженных великих людей.

Если в Петербурге всё было дисциплина и субординация, то в Москве — «покой и воля» и почти семейственные отношения. В Москве все всех знали, и мнение «княгини Марьи Алексеевны» было весомым фактором соблюдения общественной благопристойности. Самых заблудших вызывал к себе и отечески увещевал генерал-губернатор, а провинившимся мужикам московский обер-полицмейстер без затей и собственноручно отвешивал тумачи. В Москве не выносили официальной, но в то же время уважали власть и авторитеты на всех уровнях — от генерал-губернаторской до власти родителей, господина над челядью и хозяина над мастеровыми.

Правда, градоначальников в Москве ценили и запоминали в основном таких, которые умели усвоить себе общий домашний, отеческий тон и стиль отношений. Они могли быть «отцами» строгими и взыскательными, могли быть добродушны и снисходительны; город принимал и по-своему любил и тех и других, а вот чопорных и державших дистанцию — не принимал.

Патриархальный характер Москвы многое объяснял в ее внутренней истории. Обыватель обожал Москву и, имея средства, многое для нее делал. Именно в Москве возможно было открытие консерватории на частные средства, именно Москве с открытым сердцем дарили музеи и библиотеки, строили для нее благотворительные учреждения, университеты и бесплатные дома.

Истинные москвичи были добродушны, безалаберны, многословны, недоверчивы, любопытны, любили лениться, много ели и не лазили за словом в карман. У всякого московского жителя было в запасе множество присловий, шуток, поговорок, уместных цитат и анекдотов, и с их помощью он с честью и без потерь выходил победителем из любого словесного поединка. Ког-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая.</i> Вторая столица.....	6
<i>Глава вторая.</i> Дворянство.....	25
<i>Глава третья.</i> Городское благоустройство	74
<i>Глава четвертая.</i> Власти: от будочника до генерал-губернатора	102
<i>Глава пятая.</i> Купечество	133
<i>Глава шестая.</i> Съестные и питейные заведения	165
<i>Глава седьмая.</i> Торговля.....	208
<i>Глава восьмая.</i> Рынки, ярмарки, базары	250
<i>Глава девятая.</i> Жители московских окраин. Мещане, масте- ровые и фабричные	271
<i>Глава десятая.</i> «Нехорошие» места и их обитатели. Москов- ское «дно»	301
<i>Глава одиннадцатая.</i> Религиозные традиции. Духовенство.....	337
<i>Глава двенадцатая.</i> Праздники. Царские дни. Семейные события	365
<i>Глава тринадцатая.</i> Студенчество	414
<i>Глава четырнадцатая.</i> Гулянья и прогулки. Увеселительные сады	442
<i>Глава пятнадцатая.</i> Зрелища. Развлечения. Спорт	487
Примечания.....	520
Библиография	535